

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА

НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

**Сборник научных трудов
по материалам I Международной
научно-практической конференции**

**Русский язык и литература
в международном образовательном
пространстве: современное
состояние и перспективы**

31 мая 2016 г.

Нижний Новгород
www.scipro.ru

УДК 811.161.1/ 882
ББК 81.2/ 83.3

Р 89

Редакторы:
Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк

Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 31 мая 2016 г. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016. 31 с.

ISBN: 978- 5-00-005870-4

В сборнике научных трудов рассматриваются проблемные вопросы по филологическому направлению «русский язык и литература» научных сотрудников России и зарубежных стран по материалам научно-практической конференции «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы» (31 мая 2016 г.)

Сборник предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами. За содержание статей ответственность несут авторы.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – **РИНЦ** по договору № 2819-10/2015К от 14.10.2015 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте <http://www.scipro.ru>.

УДК 811.161.1/ 882
ББК 74 ББК 81.2/ 83.3

ISBN: 978- 5-00-005870-4

Редакторы Н.А. Краснова,
Т.Н. Плесканюк, 2016
Коллектив авторов, 2016
Индивидуальный предприниматель
Краснова Н.А., 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА.....	4
Абилова Б.А., Жампеисова Ж.М. Система комплексных заданий в компьютерной модели обучения языкам как неродному языку	4
ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	9
Белевцова Т.Б. Диалектизмы как особенность идиостиля И.А. Бунина.....	9
Манджиева Б.В. Версия слова как материала творения в космогонии В.В. Набокова	12
РУССКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ	16
Болдырева С.М. Лексика природы и её роль в создании псевдофольклорной картины мира в романе М. Семёновой «Валькирия»	16
Долженков В.Н. Дискурсивная категория оценки речевого поведения партнёра.....	19
Костян М.Х. Диалектные лексические единицы со значением вкуса в русских говорах....	25
Садыканова С.Х. Этимология русского языка.....	27

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

УДК 378.147.88

**Абилова Б.А., Жампеисова Ж.М. Система комплексных заданий
в компьютерной модели обучения языкам как неродному языку**

**System of complex lessons in the computer model of educating to the
languages as unnative**

**Абилова Батжамал Айкеновна
Жампеисова Жанар Муратбековна**

Казахская головная архитектурно-строительная академия

**Abilova Batjamal Aikenovna
Zhampeisova Zhanar Muratbekovna**

Kazakh Leading Academy of Architecture and Civil Engineering

Аннотация: Задания, актуализирующие различные уровни интеллектуального развития обучаемого, делятся на три типа заданий: аналитическое задание, синтетическое задание и моделирование.

Ключевые слова: аналитическое задание, синтетическое задание и моделирование

Abstract: the task of actualizing the various levels of intellectual development of the learner, are divided into three types of tasks: the analytic task synthetic task and modeling.

Key words: analytic task synthetic task and modeling

При создании инструментальной среды интеллектуального процесса компьютерного обучения важно использование преподавателем различных типов заданий, актуализирующих различные уровни интеллектуального развития обучаемого. В качестве основных нами выделены три типа заданий. Это: аналитическое задание, синтетическое задание и моделирование. Исходя из общего понимания аналитического метода как мысленного разложения целого на части, можно применительно к модели компьютерного обучения русскому языку назвать следующие типы заданий:

1) разделите текст на смысловые части, при помощи команды «Выделить цветом» каждую часть выделите разными цветами, обозначьте микротему каждой части;

2) установите последовательность речевого действия и отобразите

схемой, используя команду «Вставка. SmartArt» или др.;

3) Составьте тезисный план, используя текст. (Команда: Найти. Выделить. Копировать. Вставить) и т.п. задания.

Синтетическое задание предполагает в наиболее общем смысле процесс соединения отдельных частей, мнений, аспектов, трактовок и др. в теоретическое целое. Суть синтетического задания состоит в конструировании из разрозненных, подчас трудно совместимых «обломков» целостного теоретического «здания».

К таким типам заданий относятся:

Используя данные предложения и словосочетания, составьте связный текст.

Из данной группы терминов выделите термины архитектуры.

Из данных аргументов-примеров сформулируйте правило и т.п. задания.

Всякий доступ к явлениям действительности происходит посредством построения моделей, приближений и уточнений, утверждает Д. Люгер. Моделирование – это средство формализации знаний и одновременно средство получения нового знания. В системе нашей методики компьютерного обучения нашли место и данного типа задания. Например:

Задание 1. Послушайте диалог. Почему возник спор?

Муж: Выходной, как прекрасно! Буду отдыхать!!!

Жена: Я согласна. Но сначала надо сделать несколько работ.

Муж: Что? По дому? Это не мужская работа. Дом, дети – это женская работа. Дорогая, не мешай, я устал за неделю на работе. Этого вполне мне хватает. В конце концов, я зарабатываю достаточно.

Жена: Да, я это знаю и понимаю, поверь. Но это тебя не освобождает от обязанностей сделать по дому работу. Я тоже не сижу сложа руки. Варю, стираю, убираю, ухаживаю за детьми, приношу продукты, веду бюджет.

Муж: Вот-вот, ведешь бюджет, а кто его пополняет? Это нелегко. А машина? Содержать, ухаживать за ней?

Жена: Но совместный труд облагораживает, вдвоём мы справимся быстрее. А давай поменяемся местами.

Муж: Вечно ты заводишься. Вот и отдохнул. Пока. Я к маме.

Задание 2. Составьте продолжение диалога. Распределите мужскую и женскую работу по дому каждому из членов семьи по рисунку, данному ниже. Разыграйте «Семейный совет».

В целом теоретический анализ, проведенный в рамках исследования, дает возможность констатировать, что качественное усвоение в огромной степени зависит от уровня развития таких мыслительных процессов, как понимание и осмысление. Понимание и осмысление являются важнейшими этапами процесса усвоения и

функциями мышления. Они построены на последовательной работе логических приемов и логических операций. Именно создание преподавателем и поддержание инструментальной среды интеллектуальных процессов позволяет в полной мере использовать способы и стратегии освоения предметной и профессиональной действительности.

Существуют ряд методов поддержки развития интеллектуальных способностей, выраженных в комплексе заданий:

- метод «мозгового штурма» – при снижении самокритичности обучающегося в процессе обсуждения, повышается уверенность в себе, пробуждается творческий потенциал, создается позитивная установка личности к своим способностям;

- метод «сократовской беседы» – развитие диалогического мышления, творческих способностей;

- метод синектики – смещение на уровень подсознательной активности, направлен на развитие ассоциативного, абстрактного, образного мышления;

- метод «заданной формы организации учебно-воспитательного процесса» – создание учебно-воспитательной ситуации, когда обучающийся сам должен выйти на решение новой задачи путем использования новых способов ее решения;

- метод «деловой игры» – при снижении психологической защищённости обучающийся имеет возможность побывать в разных ролях, что способствует развитию социального опыта;

- метод психотренинга – направлен на переосмысление Я-концепции, изменение установок и др.

Методы поддержки развития организаторских способностей:

- метод «творческого выполнения задач»;

- метод игры – творческое действие в воображаемых, условных обстоятельствах с целью развития самостоятельности и творчества;

- метод поручения – регулярное выполнение определённых действий в целях превращения их в привычные формы поведения (положительные привычки);

- метод упражнения – повторение, закрепление, упрочение и совершенствование ценных способов действий.

Методы поддержки развития коммуникативных способностей:

- метод «создания воспитывающих ситуаций» – метод ситуаций свободного выбора поведения;

- метод коммуникативного тренинга (ролевые игры, выполнение заданий по заданным параметрам – «активное слушание», «прием на работу», тренинг по этикету и т.д.);

- метод творческого поиска.

Методы педагогической поддержки «социального здоровья» – это методы, которые с одной стороны, необходимы для поддержания положительного эмоционального настроения в жизни, веры в свои силы, с другой стороны - позволяют стабилизировать общее эмоциональное состояние и предотвратить асоциальное поведение.

Необходимость формирования системы профессиональных знаний предполагает тщательный подбор текстов, организованных в тематической последовательности. Критериями отбора текстов служат научность, неадаптированность, сохраняющая не только информационное поле, но и логику научного мышления и языковые средства передачи информации, а также критерии профессиональной направленности. При компьютеризации процесса обучения языку специальности при отборе текстов нужно учесть возможность их автоматической обработки. Специфика форм речевого взаимодействия в условиях обучения специальности является существенным различительным признаком научного стиля, как и его языковые особенности. Обучение языку специальности - это, прежде всего, обучение формам речевого общения в четырех его видах - аудировании, говорении, чтении и письме.

Согласно принципам дифференциации речевое обучение строится на начальном этапе с преимущественным обучением устной речи - аудированию и чтению. Применение информационно-коммуникационных, медиатехнологии позволяет создавать гибкие учебные модули для формирования аудитивных навыков (звуковая информация), при обучении чтению создаются учебные модули текстов для различных видов чтения, тексты для перевода, медиатека аутентичных материалов, используются возможности сети Интернет (тексты, графические материалы, словари, энциклопедии и т.п.).

Таким образом, при отборе текстов для чтения для студентов инженерного профиля предлагается использовать следующую последовательность действий:

Отбирается целый цикл учебных предметов (или "куст"), который «наследует» изучаемую дисциплину: в данном случае (физика и электротехника, архитектура, дизайн. С учетом принципа частотности определяются доминирующие типы текстов, представленные в учебной литературе (описание, повествование, доказательство или рассуждение).

Путем анализа выделяются наиболее частотные конструкции (что является чем, что состоит из чего и др.), грамматические формы (причастие, деепричастие) и языковые единицы (сложные слова, отглагольные существительные и др.), характерные для данных текстов.

Учитывая все вышеизложенные критерии, отбираются тексты или фрагменты текстов, представляющие собой типовые образцы, характерные для определенного цикла инженерных наук.

Цели обучения определяют специфику всех других компонентов обучения. Студенты должны научиться читать тексты научного стиля, а также подготовиться к чтению текстов из учебников по специальности. При обучении чтению рекомендуется:

развивать все виды чтения, отдавая предпочтение изучающему виду (для этого предлагается формулировать часть заданий с опорой не только на изучающий, но и на ознакомительный (*Расставьте пункты плана в логической последовательности*), просмотровый (*Определите, о чем говорится в тексте*), поисковый (*Найдите в тексте определение вектора*) виды чтения);

вводить упражнения с грамматической направленностью для изучения и

закрепления определенного грамматического явления (*Восстановите причастия в тексте*);

разделять работу с текстом на несколько этапов: снятие лексико-грамматических трудностей, собственно чтение, проверка понимания содержания, закрепление грамматического материала;

использовать тестовые задания в качестве проверки понимания, учитывая, что ТП/РП предусматривают контроль знаний, умений и навыков по

В обучении иноязычным видам речевой деятельности важным аспектом является сформированность умения воспринимать, понимать звучащие, печатные тексты, которая невозможна без создания и актуализации лексико-семантического поля тезауруса субъекта. С дидактической точки зрения, тезаурус выступает в качестве основы, интегрирующей все виды иноязычной речевой деятельности, тексты-контексты и систему упражнений.

Предметно-тематическое содержание текстового материала, соответствующего общенаучным фундаментальным дисциплинам и специальным предметам, составляют в целом структуру знаний будущих специалистов, их профессиональный тезаурус, в основе которого лежат общенаучные и специальные понятия и термины.

В этой связи огромную важность приобретает работа с источниками-оригиналами (журналы, газеты, брошюры, книги), которые позволяют мотивировать самостоятельную познавательную и коммуникативную деятельность и самостоятельную научно-исследовательскую работу на базе полученной информации в условиях вуза с помощью электронной библиотеки, разработанной на основе программного продукта «Рабис».

Формирование тезауруса на основе источников-оригиналов, размещенных в сети Интернет, основывается на принципах:

целесообразности и обусловленности профессиональной ориентации тексто-контекстной тематики;

иерархической цикличной последовательности тексто-контекстного предъявления;

совмещенности тексто-контекстного материала с различными видами информационной основы речевой деятельности;

обозначенности потенциальных функций тексто-контекстного материала; тексто-контекстной направленности на формирование речевых навыков и умений в говорении, аудировании, письме и чтении;

соотнесенности лексических упражнений в говорении и аудировании, чтении и письме со структурой тезауруса контекстно-когнитивного типа.

Библиографический список

1. Андреев Г.П. Компьютеризация процесса обучения в вузе: проблемы, тенденции, перспективы.- М.:ВПА, 1990. - 48 с.
2. Полат Е.С., Бухаркина М.Ю. и др. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования.- М:Academa, 2003. - 272 с.
3. Леонтьев А.А. Психолого-педагогические основы деятельности преподавателя РКИ // Очерки по теории и практике преподавания русского

языка как иностранного: Сб. статей и учебных материалов.- М., 2003.- С. 22-49.

4. Аленичева Е., Монастырев П. Электронный учебник (проблемы создания и оценки качества). // Высшее образование в России. - 2001. -№ 1. - С. 121-123.
5. Костомаров В.Г., О.Д. Митрофанова. Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: РЯ, 1990.

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 8.81

Белевцова Т.Б. Диалектизмы как особенность идиостиля И.А. Бунина

Dialect as a feature idiosyle I.A Bunin

Белевцова Татьяна Борисовна

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
belevtzova.tanya@mail.ru

Belevtsova Tatiana Borisovna

North-Caucasian Federal University, Stavropol

Аннотация. Статья включает материалы исследований в области языка художественной литературы. Она посвящена изучению особенностей функционирования диалектизмов в прозе И.А. Бунина. Также в ней рассмотрены диалектизмы в типологическом аспекте.

Ключевые слова: художественный текст, диалектизмы, функции диалектизмов.

Abstract. Article includes materials of researches in the field of fiction language. It is devoted to studying of features of functioning of dialecticisms in I.A. Bunin's prose. Also in it dialecticisms in typological aspect are considered.

Keywords: literary text, dialect, dialect features.

Диалектизмы играют особую роль в художественной литературе. Писатели вводят их в свои произведения с определенными целями. Они могут служить созданию определенного колорита, образа или характера, а также обозначением какой-то неизвестной реалии, существующей в конкретной географической области. Степень использования диалектной лексики в разное время зависела от многих причин: от эстетических идеалов эпохи, от сорта самой литературы и от личности автора. В русской классической литературе, и именно в XIX и XX веках, вкрапления диалектизмов особенно ярки. В первую

очередь, это связано со становлением реализма, обращением к теме крестьянства, стремлением отобразить народный быт. Но не только этим был вызван интерес классиков к говору простых русских людей. Для некоторых писателей такая речь была родной, что не могло не отразиться в их творениях. Такая традиция словесного мастерства представлена в текстах Ивана Алексеевича Бунина.

Творческая личность И.А. Бунина формировалась в особой среде. С одной стороны, было несомненное влияние дворянских, сословных традиций, а с другой – непосредственная близость к деревенской, крестьянской жизни. Бунин очень рано осознал свою причастность к народному быту, к земле. Тяготение к простоте и естественности проявляется не только в художественной прозе, но и в дневниках писателя. Многие записи содержат отрывки разговоров с местными мужиками, проживавшими в Орловской губернии, на родине И.А. Бунина, а также размышления о языке, о жизни и судьбе крестьянства. Народную жизнь во всей ее полноте невозможно отобразить в художественных произведениях, не прибегая к передаче народной речи, изобилующей областными словами, не зафиксированными в академических словарях и порой не знакомыми образованной среде.

Обращаясь к творчеству И.А. Бунина, стоит отметить, что наиболее яркое выражение диалектная речь получила именно в ранней прозе писателя. Это связано с тем, что детство и юность мастера прошли в контакте с носителями курско-орловской группы говоров. Эти произведения еще незрелы, но они представляют определенный опыт зарисовки бытовых картин, отмеченных натуральностью и в то же время идеалистичностью взглядов юного писателя на «деревню».

Диалектизмы в художественном творчестве имеют большое значение. Они не должны осознаваться как нечто чуждое литературному языку, напротив, именно диалектные слова отражают развитие языка и несут в себе отпечаток процессов, происходящих в нем на протяжении истории. Аспектами употребления диалектизмов в художественных произведениях занимались такие ученые, как В.В. Виноградов, Т.С. Жбанкова, В.Н. Прохорова и другие. Лингвистами разрабатывается, в первую очередь, вопрос о роли и функциях диалектизмов, что позволяет выявить особенности образной системы произведения, а также черты идиостиля автора.

При анализе произведений И.А. Бунина 1887-1909 годов были выявлены основные типы диалектизмов.

1. Фонетические, которые отразились в передаче автором слов: анчихристы, хрест, чернищий, ноне, хушь (хошь), хунтик и др. (*«Потом в большой крепкой телеге с высоким передком приезжали «анчихристы»»; «Хрест в головах, хресту ногам, хрест от лукавого»*) [1].

2. Лексические. Сюда вошли диалектизмы, отражающие особенности произношения орловских жителей, а также черты малороссийского наречия: обабуриться, группок, пунька, хоботье, балакать и др. (*«Что? – воскликнул Талдыкин грозно, – обабурился?»; «Прошлую зиму Танька и даже Васька ложились спать поздно и могли спокойно наслаждаться сиденьем на «группке»*

печки хоть до полуночи»; «Когда сын уехал, он сходил за чем-то в пуньку, потом передвинул в тень водовозку – все искал себе дела») [Там же].

3. Семантические: уговаривать (в значении «успокаивать»), ушла (в значении «раскрепостилась») и др. (*«Дед усадил ее на колени, начал уговаривать»; «Дорогой Танька совсем было ушла. Она сидела у Павла Антоныча на коленях»*) [Там же].

4. Грамматические, которые проявились в словах с измененной грамматической формой: дождать, ночевывать, отойтить и др. (*«Вот домовой-то, – говорил он серьезно, – все спи да спи! Дай бати дождать»; «Эх, не ночевывала ты на снежку под ракитовым кустом – вот что!»; «Когда же пришел октябрь и в посиневшем от холода воздухе замелькали, повалили белые хлопья, заноса выгон, лазины и завалинку избы, Таньке каждый день пришлось удивляться на мать»*) [Там же].

Наиболее частотным типом диалектизм, встречающихся в рассказах писателя, явился лексический тип. Такие диалектизмы чаще всего имеют синонимы в литературном языке, а иногда и вовсе обозначают реалии, известные лишь представителям конкретной географической области, являясь этнографизмами.

Лексические диалектизмы могут выступать в следующих функциях:

-моделирующая функция, заключающаяся в передаче подлинной народной речи, например, *«Иди, сударушка, покурим, – продолжал дед, – погуторь с Кастрюком»* [Там же];

-номинативная, служащая для обозначения этнографизмов: *«И кажется, что усадьба вымерла: никаких признаков человеческого жилья, кроме начатого омета возле сарая, ни одного следа на дворе, ни одного звука людской речи!»* [Там же];

-эмотивная – отражение субъективной оценки говорящего: *«Лодырь ты, брат, как я погляжу! Уж правда байбак!»* [Там же];

-эстетическая, связанная с особыми эмоционально-экспрессивными свойствами диалектизма в сравнении с литературным: *«Теленок поднялся на слабые растопыренные ножки, судорожно вытянул хвост и так глупо и отрывисто мякнул, что странник засмеялся и сказал: — Сиротка! Корову-то прогусарили?»* [Там же];

-фатическая (проявляется в авторской речи и служит созданию местного колорита): *«Весело и важно кагакали грачи»* [Там же].

В данном случае определение функций диалектизм было основано на классификации Людмилы Григорьевны Самотик [2].

Отдельно следует сказать о кульминативной функции – функции привлечения внимания читателя, которая осуществляется посредством нарушения целостности графического образа слова. В этой функции, главным образом, выступают фонетические и грамматические диалектизмы, отражающие особенности областных говоров и видимые читателем, как отступления от орфографической и грамматической нормы.

Лексические диалектизмы, найденные в художественных текстах И.А. Бунина, выступают чаще всего в номинативной и эмотивной функциях.

Это может быть связано с тем, что Бунин стремился верно изобразить жизнь народа, а это осуществляется не только посредством использования слов, обозначающих детали его жизненного уклада, но, прежде всего, благодаря созданию особой речевой характеристики персонажей, которая точно отражает натуру простых людей, каждый из которых является у писателя личностью.

Анализируя произведения Ивана Алексеевича Бунина на предмет диалектизмов, можно прийти к выводу, что он мастерски вводил в художественную ткань диалектную речь, создавая тем самым яркие образы своих героев, жителей сел и деревень. Диалектизмы, функционирующие в прозе писателя, отражают не только черты курско-орловского говора, но и особенности быта, а также картину мира крестьянина.

Библиографический список

1. Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. – М., 1987. Т. 2.
2. Самотик Л. Г. Заметки о диалектизмах в творчестве В. Астафьева. – М., 1998.

УДК 821.161.1

Манджиева Б.В. Версия слова как материала творения в космогонии В.В. Набокова

Version of the word as the material of cosmogony by V.V. Nabokov

Манджиева Баирта Владиславовна
Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова,
г. Элиста
bairtam@yandex.ru

Mandzhieva Bairta Vladislavovna
Kalmyk State University by V.V. Gorodovikov,
Elista

Аннотация. В статье рассматривается версия слова как изначальный материал творения, актуализируемый в аспекте индивидуальной космогонии В.В. Набокова. Слово для Набокова при всей его ортодоксальной устремленности к точности образа – только средство выражения смысла, а не способ его создания. Слово не выступает первоматериалом сотворения набоковской космологии, оно выступает средством ее выражения в создаваемой Набоковым художественной Вселенной.

Ключевые слова: космогония, индивидуальная мифология, синтез, синэстезия, образ, творческое воображение, дифференциация стиха и прозы.

Abstract. The article is devoted to the word as the original material of creation, which is the topical notion in the aspect of personal cosmogony of V.V. Nabokov. The word by Nabokov, in its all successive aspiration for the accuracy of the image, is just a means of meaning expression, and not the way of its creation. The word is not the original creation of Nabokov's cosmology, it is a means of cosmology expression in the literary Universe of Nabokov.

Keywords: cosmogony, personal mythology, synthesis, synthesis of the prose and poetry, image, imagination, the differentiation of verse and prose.

В центре аналитического внимания нашей статьи – рассмотрение версии слова (постмифологическая версия) в качестве версии изначального материала творения в индивидуальной мифологии В.В. Набокова.

Выраженность набоковского образа в слове, поразительная словесная пластика его прозы (хотя Набоков неоднократно подчеркивал внутреннюю поэтичность своей прозы, ее глубокую и органичную связь с лирикой) недвусмысленно указывает на возможность актуализации библейского мифа как первоматериала творения. Однако панвербальность набоковского творчества ставится под сомнение уже самим В. В. Набоковым.

Обратимся к собственным высказываниям Набокова. В интервью Питеру Дювалю-Смиту (1962) Набоков, отвечая на вопрос, на каком языке он думает, утверждает, что не думает вообще ни на одном языке, а думает образами, поскольку не верит, что люди думают на языках: «Думая, они не шевелят губами. Только неграмотный человек определенного типа шевелит губами, читая или размышляя. Нет, я думаю образами, и лишь иногда русская или английская фраза вспенится мозговой волной, но вот, пожалуй, и все» [Набоков 2002: 122]. В более позднем интервью Роберту Робинсону (1977), собственно последнем своем интервью, Набоков получает обобщающий вопрос о самом характере всех, данных им при жизни интервью. Ответ Набокова объясняет не только избранный принцип публичных выступлений (интервью никогда не были спонтанными, ответы художника не включали в себя скучные и неинтересные места), но и показывает, каково отношение художника Владимира Набокова к слову как к основному выразительному средству и инструменту его искусства. По утверждению Набокова, его неподготовленная речь сильно отличается от прозы, написанной им самим. Автор признается в том, что говорит не просто скучно, а плохо, отвратительно: «...или, как я однажды выразился, я мыслю, как гений, пишу, как выдающийся писатель, и говорю, как дитя» [Набоков 2002: 416]. Интервью Джорджу Фейферу (1974) начинается с вопроса, воспроизводящего эту фразу: «Вы говорили, что мыслите, как гений, пишете, как выдающийся писатель, и говорите, как дитя. Могли бы вы подтвердить предположение, что ваши книги неадекватны вашим мыслям?». В комментарии к собственному высказыванию Набоков делает акцент на том, что он мыслит образами робких очертаний, переливчатых цветов, а не словами. Стоит художнику начать говорить или писать, как ощущение всесия, творческого восторга, присутствующие в сознании, исчезают. Более того, свой английский Набоков сравнивает с «робким и

ненадежным свидетелем восхитительных, а порой и чудовищных образов» [Набоков 2002: 377], которые он стремится описать.

Так, исходя из утверждений самого Набокова, слово передает лишь часть образа, хранящегося в сознании, в творческом воображении, слово не способно выразить его полностью, но может создать ощущение, что за словом стоит более емкий и не полностью выраженный смысл, слово может быть указанием на обретение этого смысла, апеллируя к воображению читателя, которое может проделать тот же путь, что и воображение автора, двигаясь в обратном порядке от слова к «переливчатому» и «тающему» образу.

Именно неисчерпаемость словесного образа, выступающего знаком некоторого превосходящего его смысла, заставляет Набокова настойчиво сближать прозу и поэзию, поскольку он никогда не видел качественной разницы между поэзией и художественной прозой. Любое стихотворение художник определяет как концентрат хорошей прозы, независимо от наличия ритма или рифмы. «Магия просодии может, выявляя всю гамму значений, усовершенствовать то, что мы называем прозой, но и в обычной прозе есть особый ритмический рисунок, музыка точной фразировки, пульсация мысли, передаваемая идиомами и интонациями. Как в современных научных классификациях, в наших сегодняшних концепциях поэзии и прозы много пересечений. Бамбуковый мост между ними – это метафора», – вот развернутый комментарий Набокова, указывающий на принципы и причины сближения поэзии и прозы [Набоков 2002: 156]. Если обратиться к принятым в современном стиховедении принципам дифференциации стиха и прозы, то в первую очередь следует остановиться на принципе, сформулированном Б. В. Томашевским: «Стихотворная речь дробится на сопоставимые между собой единицы (стихи), а проза есть сплошная речь» [Томашевский 1959: 10]. Таким образом, именно сама стихотворная графика, деление текстуального фрагмента на отдельные сегменты, выступает указанием на стихи или прозу в пределах единого текста. «Графическая сегментация служит прежде всего особого рода сигналом установки на стих, следуя которому наше сознание «вдвигает» предлагаемый ему текст в определенную внетекстовую структуру, в определенную историко-культурную традицию», – подчеркивает О. И. Федотов [Федотов 1997: 38]. Сборник рассказов «Возвращение Чорба» (1930) первоначально включал и рассказы, и стихи. Набоков, таким образом, сознательно объединял эпос и лирику. Ю. Б. Орлицкий, анализируя принципы синтеза стиха и прозы в романе «Дар», вводит термин «прозиметрия», указывая тем самым на новый статус набоковской художественной речи, не идентифицируемой ни как собственно стихи, ни как собственно проза [Орлицкий 2002: 504-517]. Роман «Дар» по признаку формальной организации текста отвечает принципам синтеза стиха и прозы: первая глава группируется вокруг стихов Федора и его автокомментариев, знаменитая четвертая глава вставлена между терцетной и квартетной частями опрокинутого сонета, ее обрамляющего. Но при этом не сегментированные графически, но наделенные признаками собственно стихотворной речи (метром и рифмой) фрагменты текста вплетаются в ткань книги, которая завершается именно таким

стихотворением: «Прощай же, книга! Для видений – отсрочки смертной тоже нет. С колен поднимется Евгений, – но удаляется поэт» [Набоков 1990: Т.3, 330]. Стихотворная речь в «Даре» то выделяется графически, то реализуется как сплошная речь, то есть как внешне прозаическая. Таким образом, стихи становятся органической частью прозы, не образуя оппозиции (как речь графически сегментированная речи сплошной).

Другим способом преодоления ограниченных возможностей слова выступает в мире Набокова стремление к синэстезии живописи и литературы. В романе «Дар» есть указания на то, что именно живопись, а не литература, возможно, была истинным назначением Годунова-Чердынцева. Воображая рецензию на свой первый стихотворный сборник, Федор замечает, что «может быть именно живопись, а не литература с детства обещалась ему» [Набоков 1990: Т.3, 26], иллюстрируя это замечание стихотворением, в котором показан сам процесс создания рисунка. В интервью Питеру Дювалю-Смиту (1962) Набоков рассуждает в таком же ключе о собственном назначении как творца с точки зрения выбора вида искусства: «Я думаю, что родился художником – правда! – и, кажется, до четырнадцати лет проводил большую часть дня, рисуя...» [Набоков 2002: 124]. Далее Набоков сообщает о своей способности видеть буквы в цвете и комментирует эту особенность, расшифровывая окраску собственных инициалов VN: «V – бледного, прозрачно-розового оттенка; кажется, на техническом языке это называется кварцевым розовым; ... А N, в свою очередь, серовато-желтого цвета овсяных хлопьев» [Набоков 2002: 124].

Собственно, стремление к синтезу и синэстезии указывает на настойчивое стремление Набокова создать образ более емкий, зримый, осязательный, чем это заложено в самой выразительной природе слова. Утверждение, что творческая мысль заключает в себе смысл больший, чем тот, который выражается в словесном образе, Набоков повторял особенно настойчиво: «Разве думают на каком-то языке? Думают образами...слово растворяется в образах, а затем образ выдает следующее слово» [Набоков 2002: 82].

Таким образом, слово для Набокова при всей его ортодоксальной устремленности к точности образа – только средство выражения смысла, а не способ его создания. Слово не выступает первоматериалом сотворения набоковской космологии, оно выступает средством ее выражения в создаваемой Набоковым художественной Вселенной.

Библиографический список

1. Набоков В. В. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. – М.: Правда, 1990. 480 с.
2. Набоков о Набокове и прочем. Интервью, рецензии, эссе. – М.: Независимая газета, 2002. – 704 с.
3. Орлицкий Ю. Б. Прозиметрия в «Даре» В. Набокова // Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в русской литературе. – М.: РГГУ, 2002. – С. 504-517.
4. Томашевский Б. В. Стих и язык. Филологические очерки. – М., – Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 473 с.
5. Федотов О. И. Основы русского стихосложения. – М.: Флинта, 1997. – 360 с.

РУССКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

**Болдырева С.М. Лексика природы и её роль в создании
псевдофольклорной картины мира в романе М. Семёновой
«Валькирия»**

**The vocabulary of nature and its role in creating of the pseudofolk
picture of the world in the novel «Valkyrie» by M. Semenova**

Болдырева София Михайловна

Белгородский государственный национальный исследовательский
университет, Белгород
sofkaburst1@rambler.ru

Boldyreva Sofia Mihaylovna

Belgorod State National Research University, Belgorod

Аннотация: Данная статья посвящена анализу архаичной и народной лексики, которая функционирует в романе « Валькирия » М. Семеновой. Анализ собранного языкового материала романа предполагает, что эти языковые единицы представляют собой языковую картину мира писателя и предоставляют ей возможность реконструировать историческую действительность.

Ключевые слова: языковая картина мира, фольклор, народно-поэтическая лексика, лексико-семантические группы, лексико-семантические поля.

Abstract: This article is devoted to the analysis the archaic and folk vocabulary functioning in the novel «Valkyrie» by M. Semenova. The analysis of the collected linguistic material of the novel suggests that these linguistic units represent linguistic picture of the world of the writer and provide her the possibility to reconstruct the historical reality.

Keywords: language picture of the world , folklore , folk - poetic vocabulary, lexical - semantic group , lexical - semantic field

Своеобразие языковой картины мира Марии Семеновой проявляется в выборе ею лексических средств, репрезентирующих особенности её художественного мировидения.

Объектом нашего исследования стала лексика, используемая автором в романе «Валькирия», а предметом исследования является роль народнопоэтической лексики в формировании языковой картины мира писателя, что наиболее ярко прослеживается в контекстах, связанных с

описанием быта и природы.

Национальная самобытность народа и окружающая его действительность, включая природу, непременно находят отражение в национальном сознании, объективируясь в языке. У людей, которые говорят на различных языках, не будут одинаковыми способы систематизации и описания пространственных объектов, их свойств и отношений. Способ представления, членения и номинирования действительности национально специфичен в силу различных факторов.

В романе описана Древняя Русь второй половины IX века, время прихода к власти Рюрика и прибытия варяжских воевод. В произведении присутствует своеобразное двоемирие: реальный мир героев и не менее реальная для них славянская мифология: вера в богов, в духов, культ предков и лесных обитателей. В верованиях древних славян взаимосвязано существовало одновременно два мира – реальный, человеческий мир, и иной мир, населённый божествами, душами предков. Иной мир воспринимался очень далёким (божественным), но и мыслился как близкий, часто посещаемый человеком (знакомый лес, болото или горы).

Эта «двуплановость» романа определила выбор автором лексических средств. Анализ собранного языкового материала романа «Валькирия» позволяет говорить о том, что фольклорные архаизмы, просторечные единицы, имена собственные, обращения, символы образуют лексико-семантические поля и группы, которые репрезентируют языковую картину мира писательницы и обеспечивают ей возможность реконструкции исторической действительности.

О языке произведений М.А. Семеновой следует сказать особо: судя по этнографическим и некоторым реальным историческим деталям, которые подчеркивает автор, мир её героев условно можно отнести к VIII-X вв. Разговорный язык того времени до нас не дошел. А если бы дошел, то маловероятно, что он был бы для нас прост и понятен. В такой ситуации стилизация языка произведения возможна не только за счет словаря, а (скорее) за счет «ритма» текста. «Сказовый» ритм может замедлять повествование, а изобилие старославянских и диалектных слов, фольклорных выражений, присказок и символики мы можем считать признаками «русскости» мифа и создаваемой автором истории.

Особое место занимают в романе поэтический и народнопоэтический стили. Поэтический стиль отчасти смыкается в авторском тексте с высоким (торжественным), но содержит и менее «патетические» слова и обороты (*тишь, синь, даль, лучистый, пламенеть, озарить, реять*), а также включает разговорные элементы, порой даже бытовые и сниженные, придающие речи естественность и простоту или вносящие ироническую нотку.

Современная проза и поэзия часто преднамеренно сталкивает элементы разных языковых стилей или стремится почти полностью отказаться от использования «поэтических» слов, которые в той или иной мере воспринимаются как «избитые». Напротив, весьма устойчив и традиционен состав стиля народнопоэтического: *добрый молодец, красна девица, белы*

рученьки, тоска-кручина, горе-горемычное, леса дремучие, мать — сыра земля, буйная головушка, пригорюниться и т. п.

Самым объемным лексико-семантическим полем, включающем имена ключевых концептов романа, является поле «Природа».

Образ зачарованного леса – самый распространенный в фэнтези, это взятый из глубин мифологического сознания человека элемент мироздания. Живой лес – один из мотивов романа М. Семеновой «Валькирия». Для героини он не только спаситель, но и родной дом. Сестра жалуется: *«От сватов в лес бежишь»*. *«Тут я вспомнила про кровную посестру, шатёр-ёлочку»*, но земля со всем, что ей принадлежит, имеет и темную сторону: *«...Раскинув окостенелые ноги, беспомощное нагое тело казалось мертвенно-серым, как скудная лесная земля»*, а ещё провожает в последний путь: *«Земля приняла его»*.

Злая береза – один из важнейших образов в произведении. Как правило береза в обрядовой поэзии – женский символ, несущий в себе добро и любовь. В романе же этот образ имеет отрицательную коннотацию: *Злая Береза* – создание, которое мстит людям. История дерева трагична, но Зима утверждает: *«Я всегда знала про мужа-березу, а лет в двенадцать впервые его пожалела. И твердо решила: родись я пораньше, легла бы у пращура на дороге, а не допустила злодейства!»*. Образ мстящего дерева отразился в сердце главной героини в виде любимого: *«И привиделось, будто треснуло, как от мороза. Раскрылось неохватное древо...выпустило человека... С тех пор появился у меня Тот, кого я всегда жду»*.

Все, что касается воды во всех её проявлениях, имеет неоднозначную характеристику в русском фольклоре. Вода омывает горе, помогает успокоиться или является частью пословиц, поговорок, что отражается и в романе: *«...Слезы взорвали меня, хлынули неудержимо, как река сквозь весенний уступчивый лёд»*; *«...весеннему ручейку не прикажешь снова стать снегом, так уж заведено»*, а иногда вода выполняет роль магического проводника, участвующего в обряде инициации или же знаменуя обновление в реальной жизни: *«Совсем иначе летом после грозы. Стояло вокруг нарядное войско в блестяще-зелёных кольчугах, на кончике каждой хвоинки висело по капле, и каждая капля хранила в себе опрокинутый мир»*.

Номинации концепта «Вода» активно участвуют в создании псевдофольклорной картины мира в романе М. Семеновой: *«Я разыщу озеро во впадине между лесными холмами, круглое озеро с зелёной водой. Я раздвину шепчущие камыши и войду в воду по пояс, и шёлковые пиявки заснут у голых лодыжек. Не спущу тебе, – шёпотом скажу я своему отражению в чёрной торфяной глубине. Ударю его несколько раз, и оно будет обороняться. Мать-вода запомнит, как я обагрляла свой меч. Она не станет болтать, хоть потому, что и ей перепадёт несколько капель»*. При этом подчеркивается ценность водного пространства земли: *«Озеро лежало в чаше, как зелёная драгоценность»*.

С водой концептуально связан образ неба. Это прослеживается не только в использовании языковых средств при описании небесного пространства, но в частотности употребления лексических единиц семантического поля «Вода».

Дождь является порождением неба. Небо – часть высшего божества, оно может помочь, *очистить* героя, а может и покарать. Оно существует вне всех правил: «...завертится над головой косматое серое небо, ни света, ни радости»; «А выползли из нор, из погребов – лил тёплый дождь, смывая сугробы, и вдалеке ещё громыхало, катилось за небо-скат... И радуга стояла в счастливом зарёванном небе, и светил, светил спасённый Даждьбог!»; «Глухо зарокотало повыше туч, дождь с шумом пролетел по воде, с края паруса полилось. Могучий Перун вновь крушил жадного Змея, надумавшего запретить небесные воды».

Таким образом, использование данных групп слов соотносится с общей идеей произведения, и их анализ значим в контексте научного описания индивидуально-авторской картины мира, а также доказательства самостоятельности такого жанра, как «русское фэнтези».

УДК 81

Долженков В.Н. Дискурсивная категория оценки речевого поведения партнёра

Discursive category of partner's verbal behavior assessment

Долженков Валерий Николаевич

Российский государственный социальный университет, г. Москва

valdolzhenkov@yahoo.com

Dolzhenkov Valery Nikolayevich

Russian State Social University, Moscow

Аннотация. В статье рассматривается выражение оценки речевого поведения партнёра по диалогу как средство знакового воздействия на реципиента по коммуникации с целью побуждения его к действиям в интересах говорящего и успешного построения дискурса и вытекающего отсюда заключения, что нужен не только лингвистический анализ речевого процесса коммуникации, а более широкий психологический, социально-психологический анализ, учитывающий ситуацию общения, мотивы говорящего, содержание передаваемой информации, отношение к ней слушающего и другое.

Ключевые слова: оценочное отношение, дискурс, речевая деятельность, знаковое воздействие, речевое поведение.

Abstract. The article deals with demonstration of dialogue partner's verbal behavior as a mean of symbolic impact on the recipient in communication with a view to urging him to act in the interests of the speaker and successful construction of discourse and the consequent conclusion that we need not only a linguistic analysis of the verbal communication process but a broader psychological, socio-psychological

analysis taking into account the situation of communication, motives of the speaker, the content of the transmitted information, attitude of the listener to it and more.

Key words: assessed attitude, discourse, verbal activity, symbolic impact, verbal behavior.

Оценку речевого поведения партнера в диалоге мы рассматриваем как категорию текстовую (дискурсивную). Данная категория близка категории модальности, которая выражает субъективно-оценочное отношение говорящего к тому, что сообщается. Способы выражения такой категории различаются в зависимости от вида исследуемого модального значения (например, одобрения, осуждения, иронии, удивления), но в принципе они не сводимы к ограниченному кругу лексических или лексико-грамматических средств выражения.

В понимании сторонников экспрессивной концепции дискурса текстовая модальность - это своеобразное субъективно-оценочное отношение автора к изображаемым событиям, фактам, персонажам и их поступкам. В текстах различных функциональных стилей и жанров такого рода модальность проявляется в разной степени. Наиболее свойственна оценочная модальность произведениям художественной литературы, поскольку «создавая воображаемый мир, художник слова не может быть беспристрастен к этому миру. Представляя его как реальный, он в зависимости от своего метода художественной изобразительности либо прямо, либо косвенно выражает свое отношение к изображаемому» [2].

Прагматическая установка автора при написании художественного произведения также оказывает решающее влияние на характер и степень модальности текста. Например, прагматическая установка вызвать негодование, осуждение, когда читателю практически навязывается видение событий в определенном ракурсе, или установка описать довольно объективную картину, дать возможность читателю как бы самому прийти к определенному выводу приведут к разной степени модализации изложения.

Однако в лингвопрагматическом ракурсе оценка, в частности, по Ч. Стивенсону, предназначена для воздействия на адресата, а заключенная в ней похвала имеет своей целью вызвать у адресата определенное психологическое состояние, то есть отражает прагматический аспект знаковой ситуации [12]. Учет фактора цели сообщения относит значение к области прагматики, что само по себе знаменует начало в развитии прагматического подхода к оценочному значению. Описание оценочных высказываний ограничено Ч. Стивенсоном психологическим состоянием говорящего и адресата и не содержит упоминания о прескриптивности. Концепция оценочного значения Ч. Стивенсона известна под названием "теория эмотивности" и содержит чрезвычайно важный, но все же недостаточный объем идей, вытекающий из нового взгляда на оценочное значение.

Не только фигура говорящего, инициатора речевого обмена, но и фигура адресата (предполагаемого реципиента) коммуникативного акта все более ясно осознается как действенный фактор коммуникативного процесса, учитывать

который необходимо в их органической связи. Создавая текст, пишет У. Эко, его автор применяет ряд кодов, которые приписывают используемым им выражениям определенное содержание. При этом автор должен исходить из того, что комплекс применяемых им кодов – такой же, как и у его возможного читателя. Иначе говоря, автор должен иметь в виду некую модель возможного читателя, который, как предполагается, сможет интерпретировать воспринимаемые выражения точно в таком же духе, в каком писатель их создавал [13]. Как начальная и конечная точки коммуникативного акта, инициатор и адресат неизбежно “входят в сущностную характеристику речевого произведения, они составляют органическое единство, не могут быть расчленимы... Совокупность условий, определяющих формирование того или иного речевого произведения субъектом, и соответствующее восприятие его адресатом, включающее условие адекватности речевого воздействия на коммуниканта, составляют неразрывную целостность и сущность самой языковой коммуникации” [6].

Фактор адресата в речевой коммуникации имеет философский аспект осмысления. При этом подчеркивается не случайный или субъективно-произвольный, а необходимый характер определенности речевой деятельности говорящего со стороны адресата коммуникации. Эта закономерная тенденция связана с непреложной данностью Другого, о которой один из глубочайших умов XX века писал следующее: «Мы постоянно наталкиваемся на сложную действительность других, а не на простое о них понятие. Наша извечная растерянность перед самодовлеющей тайной другого и упорное нежелание ближнего соответствовать нашим о нем представлениям и составляют его полную независимость, заставляя ощущать как нечто реальное, действительное, неподвластное любым усилиям нашего воображения» [9]. Другой, которым в речевой коммуникации является адресат сообщения, обретает статус наиболее важной области реальности, с которой приходится считаться говорящему.

Отмечая влияние образа другого человека на речевое поведение говорящего, Ш. Балли писал, что то, что чуждо личности говорящего, инстинктивно рисуется ему как препятствия, которые нужно преодолеть, чтобы его «я» предстало перед собеседником во всем блеске и своеобразии. Однако может случиться также, что в сознании говорящего возникнет представление о каком-то другом лице или других лицах с присущими ему или им социальными признаками, и это оказывает на характер речи совершенно особое влияние [1].

К настоящему времени уже достигнуто единство во взгляде на адресата как на одного из центральных компонентов в структуре коммуникативного акта – и отнюдь не в силу того самоочевидного факта, что без него акт коммуникации, обмена информацией, состояться не может, но в силу того, что в той же мере, в какой в структурировании речевой ситуации участвует производитель речи, участвует в ее структурировании и адресат. [7].

Вместе с тем, детерминирующая роль адресата не ограничивается только необходимостью его коммуникативной деятельности в составе акта речевой коммуникации (дискурса) и необходимостью для говорящего реагировать на поведение реципиента (аудитории). Признавая значимость для построения

коммуникации указанных необходимостей, отметим все же наличие в функциональной фигуре адресата роли, еще более значимой для построения коммуникации, поскольку она состоит в необходимом согласовании, имеющем место и до коммуникации, и в ходе ее течения, и по ее завершению коммуникативной деятельности говорящего с образами ее отдельных составляющих. К числу таких составляющих целостного образа деятельности реципиента как адресата и его личности, проявляющихся в деятельности, относятся способность речевосприятия, психическое состояние, преследуемые при восприятии текста цели, возраст, социальный статус, половая принадлежность, знание языка, ценностные ориентиры, когнитивная база, стереотипы восприятия, коммуникативный и жизненный опыт и другие, разумеется, в той степени, в какой эти и другие свойства реципиента могут быть известными или предполагаемыми говорящим. Речевое воздействие на партнера осуществляется высказыванием с вербальным обозначением оценки речевой деятельности партнера за счет определенного обозначения свойств коммуникации, в частности, свойств, соотносенных с представлениями о мыслящем, осознающем и оценивающим совершаемые действия субъекте речевого поведения [4].

Таким образом, не только фигура инициатора, но и фигура адресата коммуникативного акта все более ясно осознается исследователями в качестве действенного фактора организации коммуникативного процесса, учитывать который необходимо в их органической связи.

Идея ориентированности речи на получателя сообщения завоевывает все более прочные позиции. В частности, эта идея принимается психологами. «Всякий содержательный авторский текст должен быть рассчитан на то, - писал С. Л. Рубинштейн, - чтобы создать благоприятные условия для возникновения содержательной и интенсивной мысли читателя» [10]. Сходные идеи высказываются в психо-социолингвистике, в частности при определении знака как квазиобъекта, задающего программу деятельности и поведения его истолкователю [3]. В лингвистике вслед за семиотикой вопросы ориентированности речи на получателя сообщения рассматриваются в рамках лингвистической прагматики, где эта проблематика трактуется как «фактор адресата».

Рассматривая вопрос о закономерностях понимания текста, А. А. Залевская [5] отмечает необходимость обращения к общим проблемам взаимоотношений между организацией текста и системностью языковых средств как коллективным знанием, направляющим и детерминирующим организацию текста; между способами воплощения мысли в слово, языковыми средствами и закономерностями их использования в тексте, с одной стороны, и используемыми людьми стратегиями означивания и помогающими в этом ориентирами и опорами, с другой; между индивидом и культурой, к которой он принадлежит. В частности, речь идет о специфике знаний, на которые опирается реципиент текста. «Если мы хотим исследовать сигнификационные возможности какой-либо коммуникативной структуры, - отмечает У. Эко, - нам нельзя забывать о полюсе под названием «получатель» [13].

Знание о том, в каких лексико-грамматических формах может быть представлено оценочное обозначение речевой деятельности партнера, составляет когнитивную основу побуждения реципиента к определенным речесихическим действиям. Критики концепций, признающих фундаментальную роль знаний в понимании текста, исходят из трактовки знаний как "выученных", к тому же нередко выученных без понимания. В таком случае знание предстает как застывшая структура, а упоминание фрейма, схемы и других форм знаний воспринимается как свидетельство упрощения реальной сложности процессов понимания текста, сведения последних к механическому заполнению соответствующих привычных "рамок", позиций во фреймах и т.д.

Интерактивный статус категорий текста [11] и в частности, оценки речевого поведения партнера связан с переосмыслением природы данной категории в свете принципа сопряженной модальности текста как функционального звена акта речевой коммуникации, состоящей в знаковой координации деятельности коммуникантов [11]. В этом смысле выражение оценки речевого поведения партнера по диалогу рассматривается нами скорее как средство знакового воздействия на реципиента по коммуникации с целью побуждения его к речесихическим и иным действиям в интересах говорящего и успешного построения социовербальной интеракции, чем как откровенное и незаинтересованное выражение мыслей говорящим.

Рядом исследователей замечено, что словесные образования, включенные в целое высказывание, всегда даются в определенном практическом или речевом контексте, соотношенном не только с замыслом говорящего, но и с отношением к этому высказыванию со стороны слушающего, что эти единицы следует изучать в контексте, и что независимых от контекста речевых образований вообще не существует [8]. Отсюда А. Р. Лурия делает вывод, что словесные образования, включенные в целое развернутое высказывание, имеют не только референтную природу, указывая на определенное событие, но и социально-контекстное значение, которое формируется в конкретном общении и может быть понято только на основе процесса общения; поэтому нужен не один лишь лингвистический анализ речевого процесса, а более широкий психологический, социально-психологический анализ, учитывающий ситуацию общения, мотивы говорящего, содержание передаваемой информации, отношение к ней слушающего и т.д. [8].

Построение реплик партнеров, а также строение диалога в целом определены оценочными диспозициями речевого поведения, присущими коммуникантам. Реплики коммуникантов демонстрируют оценочно-диспозиционную отмеченность, в частности, правилом «снисходительного отношения к слабостям партнера» (разновидность максимы великодушия). Явление столь выраженной определенности высказываний коммуникантов со стороны формул оценочности позволяет говорить о существовании дискурса особого рода – дискурса, эксплицитно отмеченного схемами субъективной оценочности. В изучаемом языковом материале мы имеем дело с эксплицитной отмеченностью дискурса формулами оценочности, в других случаях речь

может идти об имплицитной отмеченности дискурса такого рода схемами.

Нами замечено также, что семантическая структура диалога основывается на координации модальных диспозиций, которых придерживаются партнеры по диалогу. Указанная координация на семантическом уровне может приобретать различные формы, например, форму протеста против формулы оценочности, предложенной партнером. Диалог – это отдельный случай совместной деятельности коммуникантов. Совместная деятельность возникает в результате того, что в ней поочередно действуют несколько участников, согласующих свои действия. В данном случае указывается на индивидуальные мотивы и цели как на факторы, определяющие поведение участников диалога, в частности, на характер оценки речевого поведения партнера по диалогу. Однако мотивы по своей природе тесно связаны с ценностными ориентациями; что же касается целей, то понятие ценности нередко осмысливается через именно это понятие. Для успешной координации совпадение оценочных диспозиций у партнеров не обязательно, но совершенно необходимо следование принципу их знаковой координации.

Библиографический список

1. Балли Ш. Французская стилистика, М.: УРСС, 2001. – 365 с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистических исследований – М.: Наука, 1981. – 253 с.
3. Долженков В.Н. Оценка речевого поведения партнера как прагматически отмеченная номинатива // Ученые записки Российского государственного социального университета – М., 2011. - № 10 (98). – С. 133 – 136.
4. Дридзе Т. М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семисоциопсихологии //Общественные науки и современность - М., 1996. - № 3. - С. 145-149.
5. Залевская А.А. Некоторые проблемы теории понимания текста // Вопросы языкознания. - 2002. - № 3. – С. 87-88.
6. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка - М.: Наука, 1984. – 160 с.
7. Клюев Е. В. Речевая коммуникация М.: Рипол классик, 2002. – 122 с.
8. Лурия А.Р. Язык и сознание – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 297 с.
9. Ортега-и-Гассет Х. Мысли о романе //Бесхребетная Испания. М., 2003. – 168 с.
10. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии М.: Педагогика, 1989. – 322 с.
11. Сидоров Е.В. Онтология дискурса – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. –228 с.
12. Стивенсон Ч. Некоторые прагматические аспекты значения // Новое в зарубежной лингвистике / Вып. 16 // Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 128-133.
13. Эко У. Роль читателя / СПб: Симпозиум, М.: Изд-во РГГУ, 2005. – С. 17-19.

**Костян М.Х. Диалектные лексические единицы со значением
вкуса в русских говорах**

Dialectal lexical items with a value of taste in the Russian dialects

Костян Мариам Хачатуровна

Северо-Кавказский федеральный университет

matiam.kostyan@yandex.ru

Kostya Mariam Hachaturovna

North-Caucasus Federal University

Аннотация. Статья включает материалы исследований о диалектных единицах со значением вкуса. Статья посвящена лингвистической интерпретации русской лексики, обозначающей сладкую пищу.

Abstract. The article includes research materials on dialect units with a value of taste. The article is devoted to linguistic interpretation of Russian language, indicating sugary foods.

Ключевые слова: лексико-семантические группы, диалектные лексические единицы.

Keywords: lexical-semantic groups, dialectal lexical items.

Одной из главных задач лексикологии является изучение лексико-семантических групп слов и их взаимодействие. Данная статья посвящена описанию особенностей пласта русской лексики, объединённой в лексико-семантическую группу слов со значением вкуса.

ЛСГ, по мнению ученого Ф.П. Филина, - «лексические объединения с однородными, сопоставимыми значениями», представляющие собой «специфическое явление языка, обусловленное ходом его исторического развития». К ним он относит синонимы, антонимы, родовидовые группы, тематические классы и ряды [2].

В основе классификации Ф.П. Филина лежат отношения между словами, объединяемыми в группы. В тематических группах эти отношения строятся только на внешних отношениях между понятиями, причем при различных классификационных целях слова могут объединяться и разъединяться, что не затрагивает в чем-либо существенном их значений.

Способность различать вкус составляет существенную часть возможностей восприятия человеком окружающей среды.

Выбор объекта исследования обусловлен несколькими факторами.

Во-первых, вследствие жизненной и культурной значимости пищи, соответствующая лексика широко представлена в русских говорах и, несомненно, обладает богатым потенциалом как источник информации о традиционной культуре этноса.

Во-вторых, изучая систему наименований сладкой пищи, можно выявить особенности ее семантической организации и представить культурно-языковую символику лексики, связанной с каждым из вкусовых признаков пищи.

Лексика, называющая категориальные свойства пищи, организована как система оппозиций и корреляций:

сладкий - соленый, горький, кислый;

соленый – сладкий, приторный пресный, которые актуальны не только на уровне «пищевых» значений, но и на уровне вторичной языковой семантики и культурной символики.

Для сбора лексического материала использовался словарь русских говоров. Слов со значением вкуса в словаре русских говоров довольно много. Однако мы не претендуем на ее полный охват и представление всего корпуса русской лексики, относящейся к группе «сладкая пища». Основным источником диалектных данных явился «Словарь русских народных говоров».

Проведем анализ лексем с корнем «слад». В словаре русских народных говоров с корнем «слад» употреблены слова разных частей речи:

имена существительные: слада, сладёнка, сладёха, сладимчик, сладина, сладиночка, сладкобай, сладкоега, сладкоед, сладкоеда, сладкоедец, сладкоеж, сладкоежа, сладкоротик, сладкость, сладкохлебатель, сладушка, сладушник, сладушница, сладчина, сладчонка;

имена прилагательные: сладимый, сладистый, сладкий, сладкой, сладкокислый, сладкомордый, сладкословесный, сладушый, сладчивый, сладящий;

глаголы: сладить, сладчить;

наречия: сладко.

Таким образом, в словаре русских народных говоров с корнем «слад» обозначены имена существительные, имена прилагательные, глаголы и наречия. Всего таких лексем 40. Наиболее распространены имена существительные с корнем «слад».

В данных словарных статьях показаны не только значения слов со значением вкуса, но и другие значения слов. Например, существительное «слада» обозначает не только «что-л., содержащее сахар, сладкое», но и «радость, отраду» [1]. В словаре приведен следующий пример: «Один он у няньки остался, вся слада в нем. Азерб. ССР» [1]. То есть слово «слада» обозначает не только сладкую пищу, но и также такие абстрактные понятия, как радость и отрада.

Есть слова, которые обозначают сладкие кондитерские изделия, в разных областях они называются по-особому, например, сладкость (Ильин., Углич. Ярсл.), сладина (Терск.), сладёнка (Р. Урал), сладкуши (Влад., Южн. Горьк.).

Есть такие слова, которые подчеркивают крайнюю степень сладкости, например, сладчина, что обозначает «что-либо очень сладкое. Сладчины были арбузы». Данное слово употребляется на Урале. А в Рязанской и Тюменской областях, чтобы обозначить приторность вкуса используют прилагательное «сладушый» («Опять такой сладушый кисель сварила. Чо кладешь много сахару-то?» [1])

Значение слова «сладкоега» таково: «Сластена, сладкоежка» [1]. Так говорят в Московской области. Слов с таким же значением в словаре русских говоров много. В Липецкой, Воронежской и Мурманской областях говорят «сладкоед». Но данное слово в Петербургских, Терских областях имеет немного другое значение – «Человек, любящий вкусно поесть, лакомка». А в Архангельской области сладкоежек называют сладкоедцами, в Южно-Сибирских – сладкоеда, сладкоежа. В Красноярском, Усть-Канском, Горно-Алтайском областях человека, который любит поесть сладкое называют сладкочоротик, а в Московской и Ярославской – сладкомордый, то есть «любящий вкусно поесть, разборчивый на еду» [1]. В Ярославской области есть еще одно слово с таким же значением – сладкохлебатель. А на Урале говорят «сладчонка» - «сладкоежка, любительница хорошо поесть; лакомка» [1].

Таким образом, мы определили, что слов со значением - «любящий сладко поесть», - немало. Почти все слова сложные, то есть состоят из двух корней, однако первый корень у всех один и тот же «слад».

Можно прийти к выводу, что в русских народных говорах очень часто употребляются слова со значением вкуса. Нередко используются лексемы с корнем «слад», имеющие значение сладкоежка, любящий вкусно поесть, сластена и т. д. Чаще всего это имена существительные.

Библиографический список

1. Словарь русских народных говоров. Выпуск тридцать восьмой. Составители: Н.И. Андреева-Васина, Е.В. Колосько, В.О. Петрунин. – СПб, 2004.
2. Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. - М., 1982.

УДК 811.161.1

Садыканова С.Х. Этимология русского языка

The etymology of the Russian language

Садыканова Светлана Ханбековна

Казахская головная архитектурно-строительная академия, Казахстан

Salykanova Svetlana Chanbekovna

Kazakh Leading Academy of Architecture and Civil Engineering, Kazakhstan

Аннотация. В данной в своей работе рассмотрена этимология русского языка. В работе прослежена история происхождения русских слов, даны толкования ряду слов, различным по своему происхождению, приведены примеры и показаны результаты авторского исследования. Выбранная тема исследования является достаточно увлекательной.

Ключевые слова: этимология, русский язык.

Abstract. In this paper we consider the etymology of the Russian language.

The paper traced the history of the origin of Russian words, given the interpretation of a number of words, different in origin, gives examples and shows the results of the author's research. The selected topic of research is quite fascinating.

Key words: etymology, russian language.

У слов, как и у людей, есть своя история, своя судьба. Они могут иметь родственников, богатую родословную, и, напротив, быть круглыми сиротами. Слово может рассказать нам о своей национальности, о своих родителях, о своём происхождении. Каждое слово имеет свое уникальное значение. Не только количество слов, их многозначность, их словообразовательные возможности, свидетельствует о богатстве, оригинальности и самобытности языка. Словарное богатство образует основу, фундаментальную часть любого языка. Слово – центральная единица языка. В словарном богатстве наиболее полно отражено мировоззрение говорящего на языке народа, история языка, стилистическое разнообразие языка, отражающее строение общества. Многие слова нам предельно понятны – как с точки зрения их значения, так и с точки зрения их понимания. Другие же слова окружают нас каждый день, употребляются практически в любых бытовых и профессиональных ситуациях, сопровождают нас в поездках, на рабочем месте, дома, в школе, на дискотеке и др. Но, несмотря на то, что с этими словами мы хорошо знакомы, происхождение их остается для нас загадкой, разгадать которую мы и попробуем. Меня заинтересовали вопросы:

Какая наука занимается изучением происхождения слов?

Когда появились первые слова на русском языке?

История происхождения русских слов и словосочетаний.

Русский язык в числе мировых языков.

Термин «этимология» зародился в среде древнегреческих философов-стоиков и, согласно поздним свидетельствам Диогена Лаэртского. До XIX века термин «этимология» в языкознании мог применяться в значении «грамматика». В античности этимология рассматривалась как часть грамматики, поэтому ей занимались грамматисты. Наиболее известным исследователем истории слов этого периода был римский грамматист Варрон, который определял этимологию как науку, которая устанавливает «почему и отчего появились слова». Например, происхождение латинского слова *lūna* «луна» он объяснял, раскладывая его на части *lū-* (по Варрону, от глагола *lūceō* «светить») и *-na* (от лат. *nox* «ночь»). Несмотря на отсутствие общей научной методологии при объяснении слов, Варрон верно указывал на роль звуковых изменений в истории развития лексики и был близок к тому, чтобы определить роль словообразования. В Средние века ничего принципиально нового в методологию исследования внесено не было. Наиболее ярким представителем средневековой этимологии был архиепископ Севильи в вестготской Испании, последний латинский отец Церкви и основатель средневекового энциклопедизма Исидор Севильский (560—636 н. э.), которому принадлежит труд «Этимологии». В этом труде Исидор Севильский прибегает к этимологии для пояснения «значения вещей».

Современный русский язык является продолжением древнерусского (восточнославянского) языка. На древнерусском языке говорили восточнославянские племена, образовавшие в IX в. древнерусскую народность в пределах Киевского государства. Этот язык был почти идентичным с языками других славянских народов, но отличался некоторыми фонетическими и лексическими особенностями. Все славянские языки (польский, чешский, словацкий, сербохорватский, словенский, македонский, болгарский, украинский, белорусский, русский) происходят от общего корня - единого праславянского языка, существовавшего, вероятно, до X-XI вв. На основе единого языка – древнерусского, при распаде Киевского государства в XIV-XV вв. возникли три самостоятельных языка: русский, украинский и белорусский, которые с образованием наций оформились в национальные языки. Корни русского языка уходят в глубокую древность. В развитии и формировании русского литературного языка большую роль играли великие русские писатели XIX-XX вв. (А. С. Грибоедов, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, М. Горький, А. П. Чехов). На завершающем этапе исторического развития русский язык обрёл черты полифункционального средства общения, применимого во всех сферах жизни общества и зафиксированного строго кодифицированными языковыми нормами. Когда-то слово *лихой* имело значение "плохой", "дурной", а в наши дни оно употребляется в почти противоположном значении — "удалой", "смелый". Сегодня у слова «зараза» есть 2 значения: оно обозначает ругательство, а также употребляется в значении "источник инфекционного заболевания". Но в конце XVIII века слово *зараза* употребляли для обозначения "прелести", "привлекательности". Слово «*Зонтик*». Всем знакомо и понятно это слово — казалось бы, оно самое что ни на есть обыкновенное. Но и у него есть интересная история. Прибыло оно к нам из Голландии, совершив путешествие через 2 моря, вместе с самим зонтиком, который по-голландски называется "зоннедек", что значит "покрышка" или "закрытие от солнца". Но слово "зоннедек" оказалось крайне неудобно и непривычно для нашего произношения. Поэтому его начали переделывать на русский лад: стали произносить по образцу уже существующих в языке слов бантик, кантик. Так из зоннедек получился зонтик. Получившееся слово даже стало вести свою самостоятельную жизнь. Когда хотят сказать о зонтике большого размера, то его изменяют опять же по образцу: бантик — бант, кантик — кант, зонтик — зонт. В итоге получилось слово *зонт*, как видите, ещё меньше похожее на заимствованное у голландцев зоннедек. Что обозначает слово «*пигалица*»? У этого слова есть 2 значения. Пигалицей называют небольшую птичку, чибиса. Но пигалицей часто называют и человека небольшого роста, незаметного. Учёные считают, что это звукоподражательное слово — то есть оно возникло в языке как звукоподражание крику чибиса. А чибис кричит так: пи-ги, ки-ги! Выражение это возникло в Штатах...таким образом: Один американский художник поместил в ряде номеров нью-йоркской газеты серию фривольных рисунков с юмористическим текстом среди рисунков был изображен ребенок в желтой рубашонке, которому приписывались разные забавные высказывания .

Вскоре другая американская газета начала печатать серию аналогичных рисунков. Между этими двумя газетами возник спор из-за права первенства на этого "желтого мальчика". А один редактор напечатал в журнале статью, в которой презрительно назвал обе конкурировавшие газеты "желтой прессой". С тех пор выражение это стало крылатым.

Библиографический список

1. Макс Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Издание второе, стереотипное. В четырех томах. М.: «Прогресс», 2010. Тома I–IV.
2. Михаленко А. О., Колесниченко М. А. Интересная этимология, или почему слова такие разные. — Красноярск, 2014. — С. 21
3. Этимология / Трубачёв О. Н. // Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. — 3-е изд. — М. : Советская энциклопедия, 2011. — С.127-195.

Электронное научное издание

**РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В
МЕЖДУНАРОДНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ: СОВРЕМЕННОЕ
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Сборник научных трудов
по материалам I Международной
научно-практической конференции

31 мая 2016 г.

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к
сотрудничеству обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

ISBN: 978- 5-00-005870-4

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 3.3. Тираж 500 экз.
Издательство Индивидуальный предприниматель Краснова
Наталья Александровна
Адрес редакции: Россия, 603186, г. Нижний Новгород, ул.
Бекетова 53.